

это свобода. Лень означает выбор ничегонеделания в ряду других альтернатив, что временно освобождает человека от морального долга: от долга трудиться, от ответственности выполнять свои обязательства по отношению к другим людям или даже по отношению к себе. Лень означает освобождение от прессинга дефицита времени и вынужденной экспансии жизни, от жизненных ограничений в самораскрытии; то есть лень означает построение субъективно комфортных условий. Достигается такая свобода благодаря отказу от труда, занятий и действий или путем уклонения от напряженных физических, интеллектуальных, эмоциональных, духовных и всех прочих усилий, требующихся для достижения цели. Не исключено также и то, что отказ от деятельности, от труда снимает страх неодобрения окружающих людей, который, как и желание общественного поощрения, признания, заставляет человека трудиться, а в случае необходимости — предельно мобилизовать все механизмы саморегуляции, все личностные потенциалы и ресурсы. Освобождение от страха неодобрения, происходящее благодаря лени, означает для человека внутреннюю свободу, временный отрыв от должного, от ответственности. Удовольствие, переживаемое от ничегонеделания, усиливает ощущение свободы и может быть самостоятельным объектом лени.

Лень в российской культурной традиции

В российской культурной традиции лень издавна определялась как «неохота работать», «отвращенье от труда, от дела, занятий»; «наклонность к праздности, тунеядству». Ленивый человек — это тот, кто любит безделье, не желает работать, заниматься, это человек вялый и медлительный (Даль, 2002). Важно, что в понятие «лень» входит не только физическая вялость, но и духовная инертность. Связь лени с трудом,

точнее с избеганием труда, подтверждает и общий лингвистический анализ, проведенный, например, за рубежом. Так, Д. Сеймур считает, что уже в XVI веке английское слово *lazy* («ленивый»), произошедшее от немецкого *lasich* или *losich* аналогичного значения, обозначало либо отсутствие намерения работать, либо медлительность, неподвижность, вялость (Богданова, 2005; Seymour, 2001). Заслуживает внимание то, что и сейчас слово *lazy* передает оттенок осуждения по отношению к неработающему человеку. Оно используется в том случае, когда необходимо подчеркнуть негативное мнение о человеке.

Страницы Библии, фольклор, правила этикета и т. п. закрепили в русской культуре представления о лени как о негативном явлении в жизни человека, неприемлемой черте характера. Это отчетливо следует из содержания пословиц и поговорок: «лень до добра не доводит», «лень — мать всех пороков» или, как вариант, «безделье — мать всех пороков», «труд человека кормит, а лень портит», «лодырь сам ляжет и коня положит», «лежа на боку, не заработаешь и на понюшку табаку» (Мартынова, Митрофанова, 1986; Даль, 1996). Эпитеты к слову «лень», которые можно встретить в отечественной литературе и обыденной жизни россиян, усиливают негативное, явно порицающее отношение к этому пороку: «мертвая», «сонная», «непреодолимая», «неодолимая», «тяжкая», «тягучая», «тупая» (Горбачевич, 2000). В свою очередь прилагательное «ленивый» присоединяется даже к болезням. В повседневной жизни распространенный остеохондроз позвоночника обозначается как «ленивый позвоночник», а офтальмологическое заболевание амблиопия, при котором один глаз слабо задействован в процессе зрения, — как «ленивый глаз». Когда говорят о таком хроническом инфекционном заболевании, как лепра, то упоминают «ленивую смерть» (Ленивые болезни, электронный ресурс).

Тем не менее линия порицания, негативного оценивания лени не может быть признана единственной, генеральной, поскольку те же культурные памятники фиксируют и противоположное к ней отношение. Наши соотечественники приписывают лени и такие качества, как «тихая», «счастливая», «золотая», «сладкая», «сладостная», «роскошная» (Горбачевич, 2000). Русский фольклор усиливает традицию разночтения лени, противопоставляя ей негативный смысл труда: «работа не волк, в лес не убежит», «от работы и лошади дохнут» (Даль, 1996; Жуков, 2000). Сегодня иначе воспринимаются герои И. А. Гончарова, Н. В. Гоголя, которых еще не так давно традиционно обвиняли в склонности к лени.

Несмотря на неоднозначное отношение к лени наших соотечественников разных исторических эпох, она и поныне продолжает восприниматься в качестве устойчивого этнокультурного признака россиян. Эта идея подтверждается оригинальным социологическим исследованием З. В. Сикевич. Общий смысл масштабного опроса, проведенного этим автором, сводится к тому, что лень признается разными представителями современного российского общества одним из ключевых модальных недостатков национального характера. Такого мнения придерживаются 42,4 % опрошенных. По своему негативному потенциалу лень несколько превышает даже пьянство, которое традиционно считается далеко не лестной чертой русского национального характера. В исследовании З. В. Сикевич такая точка зрения сегодня принадлежит 36,5 % петербуржцев. Имеет смысл обратить внимание на то, что почти половина опрошенных респондентов, точнее 47,5 %, считают русского человека творческим, способным раскрыться в самых разных сферах жизни («мастер на все руки»). Заметно меньшей части опрошенных — 16,8 % — принадлежит мнение о том, что русский человек склонен полностью отдаваться труду («работать в поте лица»), и только 8,0 %

участников опроса признают трудолюбие достоинством национального характера россиянина (Сикевич, 2011).

Другой пласт исследования З. В. Сикевич, расширяющий смысловое социокультурное пространство лени, связан с поисками признаков национального характера в коллективных бессознательных этнокультурных установках. С этой целью анализируются предпочтения хорошо знакомых по детству и школьному обучению литературных образов. Почти одинаковое количество взрослых респондентов «наиболее русскими» считают двух во многом противоположных литературных героев: Илью Обломова (26,2 % респондентов) и Остапа Бендера (24,3 % респондентов). При этом женщины отдают предпочтение Обломову как символу лени, добродушия, романтической влюбленности, мужчины — Бендеру как образцу предприимчивости, склонности к риску и авантюре. Проекция современных национальных черт отражается в выборе «русских героев» среди сказочных и былинных персонажей. Разумеется, Илья Муромец наибольшим числом респондентов — 35,6 % — признается главным «русским» героем национального фольклора. Принимая такой выбор, мы должны вспомнить, что до 33 лет богатырь Илья Муромец лежал на печи, ничего не делал, болел. Только необходимость защищать свое отечество заставила его преодолеть себя. К этому «национальному герою» по степени «русскости» приближается Емеля — главный герой сказки «По щучьему велению, по моему хотению». Русским героем его признают 19,3 % респондентов (Сикевич, 2011).

Исследования З. В. Сикевич показали, во-первых, значимость лени как черты русского национального характера, которая занимает большое место в сознании определенных категорий населения и представлена также и на бессознательном уровне в виде этнокультурных установок и ориентаций; во-вторых, лень сочетается с разными представлениями

о труде, его особенностях и результатах, хотя полностью не противопоставляется, а главное, не осуждается как порок, с которым необходимо вести непримиримую борьбу.

Представленные исследования в определенной мере отражают социальные стереотипы, укрепившиеся в общественном сознании. Безусловно, стереотипы не предопределяют появление лени у того или иного человека, но все-таки влияют на общественную оценку поступков. Несмотря на узость и субъективность, социальные стереотипы играют немаловажную роль в формировании этнокультурной мифологии. Мифы легко транслируются в межличностном и межпоколенном взаимодействии и не всегда критично усваиваются индивидуальным сознанием. Так, нередко немцам приписывается трудолюбие, французам — предприимчивость, изобретательность, англичанам — новаторство (Мединский, 2015). Лени же — черта русских, которая перерастает в порок каждого русского человека и всего российского общества. Но, как и любой другой миф, миф о русской лени далек от объективных достижений, закрепленных в истории, культуре русского народа и сознании отдельного человека.

Обсуждая российскую традицию понимания лени, мы не можем обойти советское время. Надо учитывать, что после кардинальных социальных изменений, вызванных событиями 1917 года, предпринимались попытки реабилитировать лень и праздность. Одна из таких попыток принадлежит К. Малевичу, написавшему в 1921 году трактат «Лень как действительная истина человечества». В нем художник-философ, хотя и не всегда последовательно и аргументированно, пытался возвысить лень до благодати, которая избавляет от каторжного, нетворческого, «харчевого» труда. Лени преподносится как возможность желаемого досуга для развития всех склонностей и способностей личности (Малевич, 1994). Суждения К. Малевича в защиту лени перекликаются

с позицией некоторых видных западных философов и политических деятелей конца XIX — начала XX века (Зиммель, 1906; Лафарг, 2012). В частности, П. Лафарг в своих работах демонстрирует явную оппозицию лени по отношению к декретированному «праву на труд», по отношению к «пролетарскому трудоголизму» (Ф. Ф. Ингольд). Идея преимущества праздности противопоставлялась идее поглощения человека глобальными промышленными механизмами, которая в начале XX века распространилась на территории не только Европы, но и Америки (Смарт, 2015). Несмотря на утопичность, парадоксальность и социальную несостоятельность многих идей того времени, сторонникам праздности удалось ослабить устойчивое отношение к лени как к пороку, позору для человека. Удалось показать динамичность ее смысла в зависимости от социокультурной ситуации, уровня технического развития общества, доминирующего характера труда.

Позднее мораль советского человека периода «оттепели» и «развитого социализма» уже не допускала возможности появления лени. Лень стала считаться чертой характера, которая присуща только отсталым элементам советского общества или представителям западного капиталистического строя. Если лень все-таки охватывала какого-либо нерадивого члена советского трудового коллектива, то с помощью того же коллектива, часто уповающего на моральный кодекс строителя коммунизма или правительственные решения, она с успехом изгонялась из тунеядствующего субъекта. Такое отношение к лени было официально закреплено в 1961 году на XXII съезде КПСС. В принятом единодушно кодексе в качестве одного из принципов коммунистической морали признавался добросовестный труд на благо общества, с четким назидательным уточнением: кто не работает, тот не ест. Значимость принципа подчеркивалась тем, что в кодексе он занимал второе место из двенадцати, следуя сразу после

преданности делу коммунизма. Кодекс просуществовал до 1986 года (XXVII съезд КПСС) и больше не включался в партийные программы (Хрестоматия по марксистско-ленинской философии, 1962; Гагарин, Борчашвили, 1989).

Реалии сегодняшнего дня, меняющие логику развития общества, психологии как науки да и самого человека, все-таки смягчают категорично негативное отношение к лени. О лентяях начинают заботиться. Для особо ленивых специально создаются учебники по изучению иностранного языка, экономящие энергию, тесты проверки личностных особенностей и способностей, блокноты с рекомендациями к ограничению ежедневных действий. В этих с первого взгляда шуточных предложениях все-таки скрывается серьезная озабоченность чрезмерно высоким темпом жизни, который может быть ослаблен с помощью лени.

***

Даже краткий взгляд на историю становления понятия «лень» заставляет думать о том, что ее социокультурный смысл сводится в первую очередь к нормативно-оценочному критерию. Как явление социального бытия лень всегда отражала отношение общества и всегда вписывалась в определенные этические координаты, среди которых наиболее важные «добродетель — порок». Не случайно интерпретация лени концентрируется прежде всего вокруг активности личности в трудовой сфере, в трудовом взаимодействии. Подобный критерий формируется обществом на протяжении всего его исторического развития для сохранения целостности. Он необходим обществу для управления социальным взаимодействием и жизненными контекстами отдельных его представителей. Безусловно, социокультурный смысл лени затрагивает и каждую личность. В лени заложен потенциал индивидуального осознания этики отношений

с миром и собой. В ней заключен также уникальный потенциал личностной регуляции социального взаимодействия в разных жизненных сферах.

В то же время социокультурный смысл лени значительно шире, чем негативное оценивание членов общества. Лени — это общечеловеческое явление, сущностный феномен человеческой культуры, порожденный культурой и отражающий ее содержание и особенности трансформаций. И для отдельной личности лень приобретает более широкий смысл, чем уклонение от труда. С самых ранних этапов осмысления лени она превращалась в сущностный элемент индивидуального контекстуального пространства личности. Лени представляет собой своеобразное зеркало жизни, отражающее актуальное мироощущение личности и сигнализирующее о проблемах взаимодействия с миром и собой. Лени концентрирует сознание на возможностях собственной регуляции активности во взаимодействии с миром.

Безусловно, российской культурной традицией не исчерпываются представления о природе лени, ее общественный и личный для человека смысл. Достаточно вспомнить ключевой принцип даосизма у-вэй, который трактуется преимущественно как «отсутствие делания», «недеяние». Человек, живущий по этому принципу, действует без особых усилий и тем не менее обретает духовное просветление и мудрость (Смарт, 2015).

Вместе с тем результаты поисков социокультурного смысла лени приводят к мысли о том, что сегодня необходимо сближение разных гуманитарных знаний, в частности философских, этических, психологических и педагогических. Требуется объединение биологических, нейрофизиологических и даже имплицитных (приобретаемых бессознательно. — *Прим. ред.*) знаний в создании общезначимых основ объяснения поведения человека в стремительно меняющемся полифоничном и полиэкранном информационном мире. Определенное

сближение разнообразных научных достижений должно отражаться и в объяснении смысла лени, ее роли в поведении, межличностном и социальном взаимодействии человека. Лени должна быть познана как целостный психологический феномен и раскрыта в разных жизненных контекстах личности.

1.2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЛЕНИ

Истоки

Расширению границ социокультурного смысла лени способствуют наблюдения, эмпирические факты и теоретические обобщения прежде всего психологов. Именно психологи во главу угла своих изысканий ставят вопросы смысла и видов лени, ее первопричины и устойчивости, определяют ее роль в жизни человека, возможность профилактики и необходимость преодоления. Сегодняшняя панорама психологических смыслов лени обширна, неоднородна и многопланова. Смыслы объединяют не только внешние, доступные наблюдению проявления, но и внутреннее содержание, что, безусловно, более четко очерчивает уникальность лени как психологического феномена.

Психологическую сущность лени одним из первых пытался раскрыть А. Бине. Будучи блестящим детским психологом, он объяснял лень слабостью волевой регуляции в детском возрасте, а также нравственными причинами. Именно А. Бине предложил классификацию лени: случайная и прирожденная. Случайная лень характеризуется неустойчивостью и возникает вследствие какого-либо события или ситуации, например при неудаче на экзамене, из-за плохой отметки или конфликта с окружающими. Прирожденная лень означает истинное отсутствие или недостаток трудоспособности. Ребенок часто вял, апатичен, нерешителен, малоактивен. Он